

УДК 94(47).066-05
ББК 63.3(2)513-8Суворов А.В.

В.Г. НАУМЕНКО

НА ПЕРВЫХ РОЛЯХ. СУВОРОВ И КРЫМ В ЕГО ПИСЬМАХ И ЗАПИСКАХ

*285-летию со дня рождения А.В. Суворова.
232-летию присоединения Крыма к России посвящается¹*

Статья посвящена проблеме присоединения Крыма к Российской Империи, раскрываемой через эпистолярное и литературное наследие великого русского полководца Александра Васильевича Суворова. Его письма 1777—1779 годов это своего рода и «портреты места», и история от первого лица. Они демонстрируют опыт приближающегося к 50-летнему рубежу будущего генералиссимуса в понимании главных задач эпохи, знании местности и людей многонационального полуострова.

Ключевые слова: А.В. Суворов, Русско-турецкая война 1768—1774 годов, Крым, императрица Екатерина II, князь Григорий Потёмкин, крымские татары, переселение армян и греков.

Если бы меня спросили: «С чего начинается Родина?», я бы ответила: «С Крыма». В правилах вечеров в Белом зале Дома кино Союза кинематографистов РФ — выбирать человека, оказавшего мощное влияние на жизнь своей страны. 25 декабря 2014 года Героем благотворительного духовно-просветительского цикла, получившего название «Возвращение на Родину», стал Александр Васильевич Суворов. 238 лет назад Суворов, чьим символом были истина и добродетель, впервые встретился с Крымом. Не становятся ли свидетелями истины его письма и записки той поры?

Автор книги «Суворов» в «ЖЗЛ» Вячеслав Сергеевич Лопатин назвал «одним важным обстоятельством то, что служба Суворова проходила на окраинах Империи, как бы сейчас сказали, в горячих точках» [1, с. 60]. Во время Русско-турецкой войны 1768—1774 годов в составе Первой Армии генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева Суворов овладел турецкими укреплениями и городом Туртукай (1773), за что удостоен был ордена Св. Георгия II степени, разбил турецкие войска при Козлуджи (1774). 10 июля 1775 года был награжден шпагой с алмазами по случаю мира с Турцией. Он через генерал-аншефа А.И. Бибикова попал в «такое философское место, чтоб никому не было завидно», веруя, что «трудолюбивая душа должна всегда заниматься своим ремеслом: частое упражнение также оживотворяет ее, как ежедневное движение укрепляет тело» [2, с. 25]. Еще только прибыв в Главную Армию в турецких областях (Негешти), 8 мая 1773 года Суворов сообщил генералу И.П. Салтыкову: «Все хорошо, как Бог благоволит» [2, с. 26]. В «Науке побеждать», обращаясь к Чудо-богатырям, скажет: «Бог нас водит — Он нам Генерал» [3, с. 59]. Именно с надеждой на Бога Суворов просил у Потемкина «какого корпуса, каковым собирался начальствовать без порицания; и 17 декабря 1776 года прибыл в Крым, вступив во временное командование Крымским корпусом вместо заболевшего генерала поручика князя

Прозоровского А.А., с 23 марта 1778 года командует им с сохранением командования Кубанским корпусом.

Два года быть командиром Крымского корпуса — это много или мало? Чтобы ответить на этот вопрос, надо задержать детали, вспоминая XVIII век, исходным пунктом которого был изолированный индивид, и, вспомнив, оставить для себя. 17 декабря 1776-го — июнь 1779-го для Суворова и Крыма важные года: после Первой Екатерининской турецко-русской войны, закончившейся Кучук-Кайнарджийским миром. Рескрипт Императрицы Екатерины II Генерал-фельдмаршалу Графу Румянцову-Задунайскому от 8 января 1775 года определял новое политическое бытие, в котором оказалась татарская нация: «Порта Оттоманская должна согласиться с татарами и ханом крымским как нацией и государем совершенно свободными и независимыми ни от кого. <...> Ногайцы нимало не причастны к тому развращению, которое в некоторой части Крымского полуострова удалось поселить бывшему там чрез короткое время Девлет-Гирей-хану. <...> Желание наше жить с Портою в непрерывном мире, которого законные и взаимные плоды весьма предпочитаем мы всем завоеваниям оружия» [4, с. 2, 3, 4, 7].

Письма, приказы, записки Суворова — мосты, перекинутые от человека к человеку. Они сохранились в «Литературных памятниках», перекочевав туда из государственных архивов и личных собраний. Здесь и сейчас вспоминаются не потому ли, что масштаб личности Суворова — полководца, дипломата, писателя — отчетливо ренессансный? Вспоминается и одна из любимых интеллектуальных игр Возрождения — диалог. Суть возрожденческого диалога — в самом диалоге, в возможности и более того — в насущной необходимости диалога на равных. Слово в таком диалоге — рука, протянутая другому. Так, еще 27 января 1764 года Суворов писал из Санкт-Петербурга своей корреспондентке Луизе Ивановне Кульневой в Люцин: «Ее [смерть] презираю, позорно умирать не желаю, а желаю встретить ее только на поле сражения» [2, с. 7]. Единственный сын Кульневой

¹ Статья написана при поддержке гранта РФНФ-12-04-0041-а.

Генералиссимус Князь Итальянский Граф Суворов Рымникский.
Портрет // Жизнь Суворова, им самим описанная,
или Собрание писем и сочинений его, изданных
Сергеем Глинкою. Ч. 1. М., 1819. Отдел редкой книги (МК РГБ).

Яков Петрович Кульнев станет генералом и первым из русских генералов погибнет в начале Отечественной войны 1812 года, попросив о солдатском мундире, чтоб не возгордились враги его смертью². Известно, что, как и Суворов, Кульнев стремился туда, «где построжае и поотличнее война» [2, с. 8]. Суворов был убежден, что у настоящей войны есть ... душа. Это быстрота и натиск.

Что же происходило в Крыму в декабре 1776 года, когда прибыл туда А.В. Суворов? 26 ноября 1776 года Суворов готов отправиться в определенное ему место — за «желаемое награждение». (Награждение — это для публики.) Г.А. Потемкин, ставший с января 1776 года наместником граничащих с ханством губерний, был уже тогда решительным сторонником присоединения Крыма к России. И здесь необходимо сделать небольшое отступление.

Следует со всей определенностью заявить, что вовсе не граф А.А. Безбородко поставил вопрос о присоединении Крыма к России, утверждению чего в конце XIX века весьма поспособствовал историк Н.И. Григорович сочинением своим «Канцлер граф А.А. Безбородко в связи с

² О Я.П. Кульневе существует фрагмент в нашей книге из серии «Россия историческая, Россия культурная в судьбах мира» «Здесь, на конце России исполинской...»: Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII — начала XX века». — Ярославль, 2010. (Гл. 2: Русские писатели-путешественники о Великом княжестве Финляндском. С. 409—427.)

событиями его времени». В год 230-летия присоединения полуострова к России и 400-летия Дома Романовых зачем-то фактически перенес такое его мнение в свою книгу «Была пора: Екатеринин век и Крым. По страницам документов» А.Ю. Маленко, хотя прочел «Записки» Г.В. Вернадского в ИТУАК. Интересно, что один из лучших знатоков истории России XVIII века, как называют на Западе англичанина Дэвида Гриффитса, в статье, вошедшей в Сборник «Екатерина II и ее мир» (2013), полагался на «безупречно достоверные источники, исходящие непосредственно из связанных с императрицей кругов»: на записи Александра Андреевича Безбородко, «самого преданного секретаря императрицы» [5, с. 351—352, 447]. В книге «Екатерина II. Золотой век в истории России» (2006) академик Французской Академии наук Элен Каррер д'Анкокс написала со ссылкой на 2-й том знаменитого исследования Н.Ф. Дубровина: «Советники Екатерины, и в первую очередь Безбородко, полагали, что независимость длится уже достаточно давно и пора включить Крым в состав империи», да еще назвала Безбородко «несравненным соратником Екатерины 2 в деле расширения границ Империи» [6, с. 279, 286], наградив его эпитетами «честный и неподкупный».

Обратившись к книге Григоровича о Безбородко, важно выделить следующие строки: «В первый год жизни при дворе Екатерины, Безбородко, при разнообразных занятиях и заботах, находил время заниматься и литературным трудом. Памятником этого рода трудов остались: а) «Картина, или краткое известие о Российских с Татарами войнах и делах, наченшихся в половине десятого века и почти непрерывно чрез восемьсот лет продолжающихся» и б) Летопись Малая Россіи» [7, с. 43]³. Интересно, что «КАРТИНА, или ОПИСАНИЕ всех нашествій на Россію Татар и Турков, и их тут браней, грабительств и опустошеній, начавшихся в половине десятого века и почти непрерывно чрез восемь сот лет продолжавшихся» будет опубликована не князем Безбородко, а ее настоящим автором в 1792 году с «приложением нужных примечаний и разных известій касательно Крыма, прав Россійских Государей на оной, и проч.

Писано в 1774-м году, вскоре по возвращении из Турциі. Покорением Крыма победоносною рукою *Всеавгустейшей нашей Героини* разрушилась преужасная Монархія Чингисова племени» [8]. Из всей истории «с учеными и литературными занятиями» Безбородко стоит отметить только то, что до профессора из Нежина Михаила Бережкова в 1900 году и Георгия Вернадского, профессора Таврического университета, в 1919 году, во-

³ В статье Я.К. Грота «Труд Н.И. Григоровича о канцлере князе А.А. Безбородко» есть строки о том, что «Безбородко составил по повелению Государыни “Хронологическую таблицу замечательных событий царствования Екатерины II”, которая, к сожалению, составителем биографии не отыскана» [Труды Я.К. Грота: в 5 т. Т. 5: Из русской истории. 1845—1890 / под ред. проф. К.Я. Грота. — СПб., 1901. — С. 688]. За три года работы над дипломатической главой будущей Крымской книги автору данной статьи нигде, ни в России, ни за ее пределами, не удалось встретить источника, о котором писал безупречный Я.К. Грот.

просы возникли лишь у рецензента книги Григоровича академика Якова Карловича Грота. И Бережков, и Вернадский знали, что «подлинная, по выражению издателя, записка не есть собственноручная Безбородки» [9, с. 3—4; 10, с. 114]. А еще Бережков назвал «очень ценными документами» те, что приложены к труду Н. Григоровича о канцлере князе Безбородко.

В решении архиважной проблемы присоединения полуострова к России, как и определения цены пристани Хаджибей (Одессы), очевидно, нужно говорить о «соавторстве» светлейшего князя Григория Александровича Потемкина и действительного статского советника (с 5 мая 1779 года) Павла Артемьевича Левашова, офицера и дипломата, о котором существуют заметные главы «Держайте, Россы!» в книге профессора МГИМО Г.Л. Кессельбрэннера «Известные дипломаты России: От Посольской избы до Коллегии Иностранных дел» (1994, 2007) и книге советского Полномочного и Чрезвычайного посла в Стамбуле профессора П.В. Стегния «Посол 3 класса. Хроники “времен Очаковских и покоренья Крыма” (Записки о древней и новой России)» (1996, 2009). Также нужно сказать, что тексты П.А. Левашова появились в Сборнике «Путешествия на Восток в эпоху Екатерины II», благодаря профессору МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Вигасину. Из этих книг можно почерпнуть сведения о том, «что при очень серьезных Императорах существовали очень серьезные — государственные люди». Г.Л. Кессельбрэннер выявил, что характеристику на себя с участием имени Потемкина «собственноручно написал <...> сам Безбородко» [11, с. 338].

В случае с Левашовым не только видна нить, протянутая через века, но можно получить ответ на вопрос, кем и каким можно стать, если выжить в условиях военных походов, плена, сложных дипломатических игр, отставки — пусть и почетной. У государственного человека Левашова, прожившего на земле 102 года, движение вперед ни при каких, даже самых критических обстоятельствах не оборачивались неудачей. Из его книг видно, что походы и дипломатические меры были необходимы в отношении Крымского ханства и Турции, на которую татары опирались. Теперь же стоит вернуться к Суворову, воину, которому предстоит стать дипломатом в Крыму зимой 1776 года, куда он прибыл с надеждой на Бога. Об этом так сказано им в его «Автобиографии»: «Высочайшим императорским соизволением в 1776 году был я определен к полкам московской дивизии, в Крым, где около Карасу-Базара собравшиеся противные Шагин-Гирей-хану партии я рассеял одними движениями, и, по прибытии его из Тамани, объявил его в сем достоинстве и, по продолжающейся болезни, отъезжал в Полтаву для излечения» [3, с. 31]. Другими словами, 10 марта 1777 года Суворов в Крыму одними маневрами рассеял войска турецкого ставленника хана Девлет-Гирея и 23 марта торжественно встретил в Карасу-базаре прибывшего с Тамани соперника Девлет-Гирея хана Шагин-Гирея. 28 мая 1777 года Диван признал его ханом. В Крыму наступило затишье.

Об этом можно прочесть в Примечаниях «1776—1779 гг.» к письмам А.В. Суворова в «Литпамятниках».

В своей «Автобиографии» Суворов рассказал: «В следующем году и в 1778 командовал я корпусом Кубанским, где по реке Кубани учредил я линию крепости и фельдшанцы, от Черного моря до Ставрополя, и тем сократил беспокойствия закубанских и ногайских народов: один тот год не произошло никакого ногайского за Кубань побега. Того ж года обращен я в Крым и командовал корпусами Крымским, Кубанским, на Днестре и иными войсками, вывел христиан из Крыма в Россию без остатку, вытеснил турецкую флотилию из Ахтиарской гавани, великого адмирала Гассан-пашу и Али-бея анатолийского со всем оттоманским флотом и транспортными с войском судами, коих всех по счету было больше ста семидесяти, от крымских берегов обратил назад к Константинополю, воспрещением свежей воды и дров, и выступил из Крыма с войсками в 1779 году» [3, с. 31, 33]. Об этом А.Ф. Петрушевский скажет так в книге «Генералиссимус Суворов»: «...Суворов провел немало времени на реке Кубани и в Крыму; на Кубани была тогда пограничная русская линия, а Крым только что отошел от Турции, но к России еще не был присоединен. Кубанскую линию он сильно укрепил, а Крым всячески уберегал от турок, которые мутили татар, желая поднять их против России. Кроме того, он переселил отсюда больше 30 000 армян и греков к Азовскому морю, как было ему указано сверху» [12, с. 7].

В 1778 году Порты намеревалась блокировать Крым кораблями знаменитого адмирала Газы Хасана и высажить там десанты. 4 июня 1778 года Суворов сообщал Петру Александровичу Румянцову о полномочиях на случай чрезвычайной обстановки — высадки турецких десантов на полуострове: «Осмелюсь, Ваше Сиятельство, доложить: стамбульцы на крымском берегу выгрузятца, укрепятца, выгрузки умножат <...>, внедрятца внутрь земли <...> Вооруженная рука то зло одна превозможет, но средства нет <...> Поелику управлюсь в протчих укреплениях, могу заложить, естли каких препятств не будет, что-нибудь близ Ахтиара — тут первый пункт выгрузки, второй — Козловский, третий — под Кефою; Алушта для срывки. Ездил я ныне довольно; симптомов к внутренним беспокойствам неприметно, надлежит бдеть всегда» [2, с. 41—42]. Этому «что-нибудь» мешала эскадра турецких кораблей Хаджи Мехмет-аги, которая с конца 1777 года находилась в Ахтиарской гавани. Все попытки князя Прозоровского заставить их покинуть гавань не имели результата. Суворов сумел добиться мирным путем избавления от десанта и показал при этом образец своеобразной дипломатии, по признанию П. Надинского, едва ли не единственного за 240 лет автора исторического очерка «Суворов в Крыму», выдержавшего три издания с 1948 по 1950 год [13]⁴.

⁴ Только один историк — на страницах журнала «Родина» (2015, № 1) — вспомнил о Павле Наумовиче Надинском как авторе «Очерков о Крыме».

Капитан паша удаляется с флотом из Крыма, 1777//Антинг.
Победы князя Итальянского Графа Суворова Римникского, или Жизнь и военные его деяния против... В 3 частях. Ч. 1. М., 1810.
Посвящено графу Николаю Петровичу Панину. Из лавки Инихова и Базунова. Отдел редкой книги (МК РГБ).

7 июня 1778 года высадившиеся на берег турки убили казака из пикета. Суворов, понимая, что крымские дела не должны иметь «разстройку нечаянные», потребовал у Хаджи Мехмет-аги наказать виновных и распорядился возвести батареи над выходом из гавани. Хаджи Мехмет-ага обратился к нему с письмом: «Ежели разрушили вы обеих империй заключенный мир, то уведоьте меня, чтоб я мог донести о том Блистательной Порте, ибо я приятель вам, здесь лежу на якоре по праву тому, что Крымский остров обоими Высокими дворами оставлен волен...» [2, с. 506]. Суворов продолжил возводить батареи. 15 июня 1778 года вновь потребовал от «приятеля» своего наказать виновных и запретить выходить на берег вооруженным людям. 17 июня Ахтиарская гавань была свободна. Стамбульцы ушли в Турцию, увозя Селим-Гирея и его и Порты сторонников, с чем Суворов поздравил резидента при ханском дворе А.А. Константинова и с чем «желал бы самолично поздравить Его Светлость», Новороссийского, Азовского, Астраханского генерал-губернатора князя Г.А. Потемкина.

Можно представить, как изумительно хорош был Ахтиар (Севастополь) в том июле! Может быть, солнце никогда так не улыбалось открытому морю и гавани. Может быть, море смеялось? Еще 14 июля 1778 года Суворов вынужден был писать адмиралам Газы Хасанпаше и Хаджи Али Джаныклы-паше, которые, очевидно, не знали о замене князя Прозоровского: «Что ж до меня, то я не позволяю себе верить, что Блистательной Пор-

ты флот мог быть когда-либо у крымских и до области татарской всех принадлежащих берегов. Особливо в нынешнее время, когда Крым пользуется совершенным спокойствием» [2, с. 43]. Он напомнил адмиралам, что «имеет долг употребить все меры к защищению вольности и независимости сих народов». Не захотел Суворов оставить без внимания в письме турок отсутствие благопристойности и вежливости к его «предместнику» кавалеру князю Прозоровскому: «Выражения же в нем касательно кораблей российских, плавающих в море, омывающем часть границ наших и дружеской, ни от кого зависимой области татарской, суть явный вид неприязни, обнаруживающий оную, следовательно, право я имею встретить при Божей помощи сильною рукою стремления толь несправедно разрушить освященный мир по одним прихотям ищущих...» [2, с. 43]. Ответ Суворова прозвучал как предупреждение.

Каждое из писем Суворова своего рода «портрет места». Крым — это пространство, вмещающее землю, берег, бухты, корабли, людей, города. Что должен был понять человек военный «всегда и во всем, и в крупном и в мелком деле»? Что судьба независимого Крыма лежит *на нем*. Суворов должен был заниматься делами Хана Шагин-Гирея, хотя тот в какой-то момент увидел в нем «агрессора», и турецкой эскадрой тоже. А еще ему следовало думать об устройстве христиан, армян и греков. Суворову довелось с февраля по осень 1778 года решать вопрос об их переселении по плану, разработанному

Потемкиным. Шагин-Гирей в «казиатического восторгнутого слога» письмах обвинил его в самоуправстве. 22 июля 1778 года Суворов писал Хану «кратким лаконичеством» в Бахчисарай о соизволении Высокой Покровительницы, Императрицы Всероссийской переселить христиан, в Крыму живущих, в свои границы с целью «избавления их от предгрозимых бедствий и сущего истребления, которым огорченные во время бывшего мятежа татары мстить им, при случае удобном, явно обещали» [2, с. 44]. 16 сентября 1778 года, после того как христиане были выведены, Суворов просил Петра Ивановича Турчанинова: «Перемените мне воздух <...> Дрожал за Ахтиар. Дрожу и ныне по христианам» [2, с. 50], 20 апреля 1779 года он вновь обратился к нему в Санкт-Петербург — о положении переселенных в Азовскую губернию бывших в Крыму христиан, прося упрочить благосостояние немалого числа сограждан России, оказавшихся «бедными иностранцами» там, где Екатерина II велела принять их «с ласкою». Он просил о человеколюбии и снисходительности к «безрассудным» из них. 29 апреля 1779 года из Козлова пишет Г.А. Потемкину о положении «селенцев» и просит для них «сносного состояния»: «Воззрите, Светлейший Князь! милосердным оком на сих бедных иностранцев, жертвовавших всеми временного их благоденствия выгодами усердию к престолу Всероссийскому и христианскому единоверию. Усладите им горькое воспоминание прежнего их, хотя под игом варварским, но не менее сносного состояния и, в случае какой-либо в сем их донесении излишественности, даруйте им великодушное прощение. Вследствие чего, повергая их под Высокое Вашей Светлости покровительство, пребываю с глубочайшим почтением» [2, с. 58]. Суворову нужно было приобщить к важным событиям в Новороссии тех, кто находился в разных местах Российской Державы.

Александр Васильевич Суворов, будущий Генералиссимус, помнил себя «только в единой части — высочайшей службы, где бы она ни была, хоть в бездне океана». Его письма — история от первого лица. Они — «портрет его души». Душа велела генералу поручику Суворову 30 декабря 1778 года написать Андрею Дмитриевичу Константинову: «Бывших здесь христиан должно называть российскими и ушельцев почитать за дезертиров, кое звание перемена веры отменить не может» [2, с. 55]. Думал ли тогда Александр Васильевич Суворов, что он, христианин, поднял в «крымских» письмах своих тему, которая станет чрезвычайно актуальной через 230 лет? Защита человека — именно это выполнил Суворов в своей «солдатской прозе». Не случайно среди афоризмов и высказываний этой творческой личности так неожиданно притягательно для читателя звучит: «Если б я не был полководцем, то был бы писателем» [3, с. 91].

В письмах выступают очертания южного края, где живут и жили многие народы, те, которые — наступит час — станут россиянами. Суворов, у которого совесть и честь всегда на первом месте, знает, какие они воины,

знает: только добродетель русского народа великих дел соиздатель. Еще не на плахе голова Людовика XVI, еще не отравлен и не казнен по приказу султана крымский хан Шагин-Гирей — Суворов ценит мир с Турцией. Письма 1777—1779 годов показали опыт приближающегося к 50-летнему рубежу русского генерала в понимании главных задач эпохи и знания местности и людей многонационального полуострова. Всем генералам: Румянцову, Суворову, Прозоровскому ясно было стремление Императрицы Екатерины II на берегах Крыма очень постараться не воевать, если воевать, то умело. Потому Г.А. Потемкин просил Екатерину II направить в Крым именно Суворова. Как будто знал, что действия его и поступки на юге увенчаются орденом Александра Невского. Как будто знал, что Суворов еще и будущий граф, будущий фельдмаршал. Не знал только, что Суворова уже 15 лет ненавидит граф Сиверс, что у него, Суворова, в запасе еще более 20 лет — есть время у Павла I подрасти и лишить вернувшегося из легендарного Итало-Швейцарского похода Генералиссимуса права ношения формы.

Потемкин доверил край военному человеку, для кого *дело крымское* становилось делом преобразования полуострова, и именно он должен был посвятить ему, полуострову, жизнь и службу. Край требовал стратегического освоения, и Суворов учится устанавливать крепостные сооружения для Черноморского Флота, налаживать связи между армией и флотом, разными народами, страдать за человека, «неизговяющегося» без причины. Его трудолюбивая душа открыла ему истину: важен *прямой взгляд* на все. Он поглощен людьми, их злоключениями, химерами, надеждами, «пилюлями», к которым никогда не привыкал. Он, «достойный Императорский раб», не поучает, не наставляет, а дружески советует Шагин-Гирею, зная, что он «в когтях ханского мщения», «присутствовать в своей столице, управляя народами, врученными от Бога власти [его], соблюдая их тишину и благоденствие» [2, с. 47] и не устает «прилежно просить возвратиться к своему трону». Может быть, Суворов был *первым* человеком не только из христиан, кто решил поставить вопрос о бедствующих «иностранцах» во времена крымской независимости, с которой не умели и не могли справиться татары, и до самой смерти болел из-за плачевной участи «селенцев». В этом смысле его переписка вплетается в борьбу лучших людей российского общества за права личности: тех, кто ушел, не выдержав испытаний, и тех, кто остался наедине со своей бедой. Верим, у Александра Васильевича Суворова двойное качество: Русского и навеки друга Крымского полуострова и *созидающей* с 1764 года *Новороссии*.

Выдающийся полководец вместе с Крымским корпусом оказался на «острове», который потребовал «истинного усердия». Душа его обратилась к Богу за подкреплением сил. Он знал, что тем и отличался от животного, раба, что *человек*. У Суворова был такой духовный мир, в котором он черпал свободу, во вну-

тренней работе своей находил силы для «высочайшей службы».

Скоро 240 лет переписке Суворова со многими адресатами о пережитых испытаниях в Крыму во второй половине 1770-х годов. Желание сказать *свою правду* о них и руководило им в его переписке с Потемкиным, Румянцевым, Турчаниновым, Константиновым, Шагин-Гирем и многими другими современниками. Здесь осталась правда о событиях в Крыму и о ... душе Суворова, ее движениях. Право, ему нужно было разобраться, почему его письма П.И. Турчанинову с 4 августа 1778 года кажутся ему «странным журналом» странного человека, который он отнюдь не закончит 8 августа, назвав тогда «продолжающейся в Санкт-Петербург корреспонденцией». И 3 октября 1778 года он скажет о своих крымских письмах: «Журнал сей». Кажется, так будет до 20 апреля 1779 года. Суворов дал в письмах-«журнале» словесное выражение «стилю жизни» в Крыму в годы его независимости: «Почти все мои товарищи <...> и я <...> работаем в горячке» [2, с. 46]. Его можно рассматривать наравне с дневником, автобиографией и другими не собственно художественными жанрами. Суворов описал день за днем, месяц за месяцем происходящие на полуострове события, отражение которых сопровождается его размышлениями и переживаниями. Это и сближает такой тип письма с дневником. Да они и есть род дневника. На необходимость ведения его указывает и то, что он заменял исповедь для глубоко верующего человека, каким был генерал-поручик Суворов.

В письмах А.В. Суворова из Крыма, в которых навсегда осталась благодарность его Богу за то, что «все кончено благополучно», содержатся помыслы и поступки, требующие выявления соотношения добра и зла во внутренней жизни гениального человека, которого всегда и везде заботило, уготовано ли ему спасение. Для этого стоит прочесть до конца Том «Литпамятников» «А.В. Суворов. Письма» 1986 года. Представляется также, что облегчение «пред отечественниками» было Суворову необходимо. Оно служило ему утешением. Совсем не случайно на вечере в Белом Зале Дома кино в Москве (автор и ведущая – певица, лауреат Пушкинской премии Лина Мкртчян) член Союза писателей России, протоиерей Артемий Владимиров вновь поднял вопрос о канонизации Александра Васильевича Суворова.

Крым помнит военного вождя, дипломата и писателя Суворова. «Для жителей Крыма память о нем дорога тем, — написал Павел Надинский после Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, — что она неразрывно связана с историей Крыма. Он принимал непосредственное участие в борьбе за Крым в тот период, когда решался многовековой спор о судьбах полуострова, и своей плодотворной деятельностью значительно содействовал воссоединению Крыма с Россией» [13, с. 17]. Сегодня, в Год Суворова и Литературы пусть будут услышаны памятные слова «хорошего Русского» из его письма 1778 года: «Намерении Великой Екатерины ни в чем еще не пострадали» [2, с. 53]. Может быть, письма — лучшее, что написал Суворов. Они могут пойти на пользу людям другой эпохи. Сегодняшней?! Тогда это точно литература особого назначения⁵.

Список литературы

1. Лопатин В.С. Суворов. Серия «ЖЗЛ». — М., 2012.
2. Суворов А.В. Письма / Подгот. В.С. Лопатин. — М., 1986. — (Лит. памятники Акад. наук СССР).
3. Суворов А.В. Наука побеждать / под ред. В.П. Бутромеева. — М., 2014.
4. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения: в 4-х т. Т. 1: 1775—1777 гг. — СПб., 1885.
5. Гриффитс Д. Был ли у Екатерины II «греческий проект»? / пер. С англ. Е. Леменовой // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. — Ч. 4. Екатерина II и Европа. — М.: НЛО, 2013. — (Historia Rossica).
6. Каррер д'Анкокс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России / пер. С фр. — Ч. 4. Годы Потемкина: Экспансия. Гл. XI. Конец «Северной системы». — М., 2006.
7. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени Н. Григоровича. Т. 1: 1747—1787 гг. // Сб. ИРИО. Т. 26. — СПб., 1879.
8. Картина, или описание всех нашествий на Россию всех Татар и Турков... П[авла] Л[евашова]. — СПб., 1792.
9. Бережков М. Об одной историко-политической записке времен присоединения Крыма. — Нежин, 1900.
10. Вернадский Георгий. Записки о необходимости присоединения Крыма к России. (Из Тавельского архива В.С. Попова)// ИТУАК. — Симферополь, 1919. — № 56.
11. Кессельбреннер Г.Л. Известные дипломаты России: От Посольской избы до Коллегии иностранных дел / отв. ред. член-корр. РАН А.В. Торкунов. — М., 2007.
12. Петрушевский А.Ф. Генералиссимус Суворов. — СПб., 1900.
13. Надинский П. Суворов в Крыму. — Симферополь, 1950.

⁵ Автор статьи благодарит за участие в подборе рисунков художника, графика и скульптора России Александра Егоровича Козинина и сотрудников Музея книги РГБ.